

Донатас БАНИОНИС:

Я, НАВЕРНОЕ,
УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Говоря так, народный артист СССР и народный артист Литвы, почетный гражданин города Паневежиса, лауреат Государственных премий СССР, Всесоюзного кинофестиваля в номинации "За лучшую мужскую роль", обладатель ордена Дружбы, других правительственных наград, медали имени Ханжонкова "За выдающийся вклад в киноискусство" - всего и не перечешишь - мой собеседник Донатас Юозасович БАНИОНИС немного кокетничает.

Да, с 1 января 2000 года Банионис уволился из штата Паневежского драматического театра, в котором он играл с июня 1941 года.

— Стал пенсионером, — горько улыбается Донатас. — По нашей пенсионной реформе мне выгоднее сохранить пенсию, нежели жить на зарплату. Она у меня примерно 600 литов, это где-то 150 долларов. Но я надеюсь играть в родном театре, так сказать, на общественных началах.

С этим, не побоюсь столь высокого слова, великим актером я знакома давно, где-то года с 1985-го. Специально тогда ездила в командировку в Паневежис, чтобы сделать интервью с человеком, блестяще сыгравшим и разведчика Ладейникова в "Мертвом сезоне", и председателя сельского совета Вайткусас в картине "Никто не хотел умирать", Бетховена и Гойю в одноименных лентах... Тогда же поняла, посмотрев в театре "Поднятую целину", сколько внутренней силы таится в его Давыдове...

А тут недавно раздался телефонный звонок. И уже немного забытый мягкий голос с приятным акцентом спросил: "Светлана? Это Донатас, еду в Петербург на съемки у Евгения Татарского в фильме "Ниро Вульф и Арчи Гудвин" по Рексу Стауту. Помоему, интересная работа получится. Так что есть о чем поговорить..."

Мы встретились. И словно не было долгих лет, когда мы поздравляли друг друга с праздниками и коротко виделись на фестивалях. Та же добрая, располагающая к беседе улыбка, те же доверчивые, широко раскрытые глаза. Только вот голова вся седая...

— Значит, Донатас, стали Ниро Вульфом? Любое преступление раскроете?

— Интересно работать, честно. Приглашение на роль было для меня неожиданным — после распада Советского Союза подобное не так уж часто случается. Но режиссер Татарский знал меня еще на съемках фильма "Приключения принца Флоризеля", наверное, понравился я ему. (Смеется.)

— Насколько я помню роман Стаута, его Ниро Вульф выглядел весьма и весьма упитанным человеком, а вы, Донатас, не считите за комплимент, в прекрасной спортивной форме. Совсем как двадцать лет назад...

— Да, тут уж пришлось надо мной "потрудиться" и гримерам, и костюмерам. Гурман и обжора Вульф весил где-то 150 кг, мне до него ох как далеко. Открою секрет: мне сделали огромный поролоновый живот, который накладывают во время съемок. Жарко, тяжело, но ведь искусство требует жертв!

— Тут уж ничего не поделаешь, таков ваш герой. Так что — терпите.

— Терплю. Причем не только этот груз.

— А что еще?

— Не забыли, наверное, что я ненавижу пиво, предпочитая ему коньяк? А мой герой не может раскрыть ни одного преступления без своего любимого пива "Миллер". Вот и приходится ежедневно во время съемок бутылку по пять этого ненавистного напитка поглотить! Ужас! (Смеется.)

*Светлана Пальмова
и За Калужской заставой
эксельсорт, утренняя
и радостная уборка!*
Донатас Банюнас

— Кто же играет помощника великого сыщика

— Арчи Гудвина?

— Сережа Жигунов. Бедный, ему пришлось похудеть где-то на 10 кг! Сел на жесткую диету, пропал в тренажерном зале. Но самое смешное заключается в том, что удержать вес в норме Сергей так и не смог — теперь костюм Арчи на него еле-еле налезает.

— Вы сказали, что съемки проходят в Питере. Почему?

— Вообще-то события романа происходят в Нью-Йорке в тридцатых годах прошлого века. Но решено было "загримировать" под Бруклин того времени отдельные уголки Петербурга. Один из домов на Карповке стал настоящим департаментом полиции. Из царского павильона Витебского вокзала сотворили шикарную американскую гостиницу, причем у входа поставили настоящего темнокожего швейцара в ливрее. А литерский Дом ученых стал особняком моего героя. Тут и мебель старинная, и пуленепробиваемые стекла, которые сохранились еще со времен бывшего владельца особняка — великого князя Владимира. А уж кресло, в котором решаются все главные проблемы... Словом, раскрыл я вам все наши киношные тайны.

— Но ни слова не сказали об обожаемых Ниро Вульфом орхидеях...

— Чуть не забыл: для съемок собирали эти удивительные растения во всех цветочных магазинах Петербурга. Так что с орхидеями тоже все в порядке.

— И когда же ждать премьеры?

— Полагаю, ближе к осени. Кстати, первые серии уже идут по телевидению. Не видели?

— Не довелось пока. Зато вот сравнительно недавно "Мертвый сезон" посмотрела, как говорится, на одном дыхании. Вот Ладейников появляется в дверях отеля, входит в свой номер, устало присаживается на подоконник, закуривает. Совсем обычный человек, даже бесстрастный какой-то. Не разведчик, одним словом...

— Вы знаете, когда я снимался в "Мертвом сезоне", мне вовсе не хотелось, чтобы, глядя на Ладейникова, зрители говорили: ох, какой он ловкий, все у него получается. Мне хотелось показать не обыкновенность разведчика, а вселить уверенность в обыкновенного человека. Показать: Ладейников — такой же, как и ты, если у тебя есть что защищать. Для меня, актера, это была внутренняя пружина образа. А внешне... Мне на-

до было не просто хорошо водить машину, а делать это, что называется, лихо — помните кадры, когда на полном ходу одна машина врезается в другую и обе, кувыркаясь, летят под откос? Надо было освоить приемы дзюдо — в драке с нацистом Хассом очень пригодилось. Тогда, на картине, моими наставниками были и автогонщики, и борцы, и каскадеры. Спасибо вам, друзья, за науку!

А вот в "Короле Лире", надо же, никак с лошадью справиться не мог. Не слушалась она меня. И морковку давал, и сахаром угощал. Уговаривал: к камере надо, пойдем немножко вперед. А она стояла как вкопанная. Между прочим, я ведь уроки верховой езды брал, говорят, неплохо получалось. И вот такой конфуз. В конце концов сцену все-таки отсняли...

— В городе своего детства — Каунасе — часто бываете?

— Стараюсь, как только выпадают свободные деньки. И знаете, что вспоминаю?

— Откуда же мне знать?

— Я вспоминаю спортивный Каунас. В те годы мы, мальчишки, не мыслили своей жизни без спорта. Знали всех наших любимцев — баскетболистов, футболистов, волейболистов. Болели за них, старались во всем подражать своим любимцам. Я симпатизировал футбольной команде "Ковас", аплодировал легкоатлету, пробежавшему стометровку за 11,5, и прыгуну, преодолевшему высоту 1 м 85 см. Я тогда учился в ремесленном училище, постигал тайны керамического искусства. Кстати, неплохо играл в баскетбол и настольный теннис. Но всегда мечтал о театре, о сцене.

— Ваша мечта сбылась ведь. Уж в скольких фильмах вы снялись, сколько ролей на сцене Паневежского драматического театра сыграли!

— Грех жаловаться, все получилось. Всю жизнь меня интересовала только моя работа, даже жена Она ревновала: "Все ты на съемках, репетициях, фестивалях. Откуда у нас с тобой сыновья появились — непонятно". Она, конечно, шутила. Сыновья у нас — Эгидиус родился в 1948 году, он был историком, специалистом по XV-XVI вв., его посмертно наградили Государственной премией в области науки. А Раймундас пошел по моим стопам, окончил ВГИК, снял несколько фильмов. Сейчас у него собственная кинокомпания, он снимает рекламу, документальные ленты.

Порой возвращаешься из театра, не можешь уснуть, голова раскалывается, лежишь, в потолок смотришь и думаешь: "Ну зачем тебе все это? Кажется, все отдал тем, кто сидел в тот вечер в зрительном зале. И снова мучительная мысль — ну зачем, во имя чего все это?"

— И как вы отвечаете на все эти вопросы?

— Отвечаю так: художник творит в мучениях. Я не верю тем, кто утверждает: творить — легко, это — в радость. Как мучились, как страдали Бетховен и Гойя от того, что они не могли до конца выразить то, что хотели. Чем они платили? Здоровьем. Сердцем. И мы, актеры, платим тем же. И режиссеры, создавая настоящий спектакль или фильм, платят за это частицей своей жизни. Мне интересно работать тогда, когда я могу спросить своего героя: "С кем ты?"

— Почему?

— Да потому, что в решение этого вопроса, в ответ на него я всегда вкладываю и собственный жизненный опыт, и то, что мне подсказывает моя гражданская совесть. Мне важно, чтобы зрители поняли: за ошибки надо платить. Об этом — судьба моего героя в фильме "Никто не хотел умирать".

— Скажите, Донатас, неужели все так гладко было в вашей творческой жизни?

— Если бы. Хотите, расскажу один случай?

— Конечно!

— Так вот. Я только-только стал артистом Паневежского театра, меня уже несколько раз похвалили режиссер Мильтинис, но на сцену почему-то не выпускал. Спустя какое-то время был концерт для красноармейцев, я изображал в массовке одного из политзаключенных, освобождаемых из тюрьмы. На сцене открывались ворота, из которых и должны были выйти на свободу узники тюрьмы. Мне предстоял первый выход на сцену — представляете, как я волновался! Пусть крохотная, без слов, но роль! Я думал, все зрители на меня будут смотреть...

— И что же случилось?

— Я уже почти выходил из ворот, как вдруг цель моя зацепилась за что-то там за кулисами, и, пока я, шепча слова проклятий, освобождал ее, мои товарищи из массовки смортели...

— Да уж, но ведь...

— Понимаю, пустяк, хотите сказать. Наверное, так. Потому что позднее я испытывал подобные ощущения не раз в жизни. И причиной была не зацепившаяся цель, а куда более важное — роль не получалась! Но вот почему-то ту самую первую провальную роль в массовке, без единого слова, забыть не могу по сей день. Хотя если честно, провалов было немало.

— Как вам сейчас живется?

— Грустно. Ну, во-первых, на будущий год 80 лет стукнет. Много это, что бы кто ни говорил. Мы оказались разобщены — в Литву визу надо получать! Я вообще с трудом понимаю, что сейчас происходит с молодежью: бегут из Литвы. В Америку! В 70-м году я побывал там, объехал все литовские колонии, останавливался у знакомых, встречался с людьми, с которыми когда-то учился. Да, они там разбогатели, понапокупали каких-то маленьких домиков, стали, как я говорю, полуамериканцами. Все в рассрочку, все бегом. Но ведь они страдают, я это видел... Я бы не смог покинуть Родину, я люблю свою маленькую Литву.

— Можно еще вопрос, Донатас?

— Конечно, конечно, спрашивайте о чем хотите.

— Вам, по-моему, стало труднее говорить по-русски?

— Практики почти нет. Меня ведь озвучивают в фильмах — особенно хорошо удавалось это незабвенному Саушенке Демьяненко. А так еще дублировали Игорь Кваша, и Георгий Жженов, и... Но есть фильмы, в которых я говорю сам, хотя и с акцентом. Например, в "Операции "Трест". А что, разве литовский акцент режет слух?

— Ни в коем случае!

— Значит, так и будем продолжать!

До отправления в Санкт-Петербург "Красной стрелы" остались считанные минуты. Пожелала Донатасу Банионису удачи на съемках, передала привет его очаровательной супруге.

— На обратном пути, если через Москву поеду, непременно позвоню, — уже из открытого окна медленно движущегося вдоль перрона поезда крикнул Донатас.

— Буду ждать...

Беседу вела Светлана ПАЛЬМОВА
Фото из семейного архива
Донатаса Баниониса